

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-2-454-469>

Научная статья / Research Article

Моральные санкции: две традиции понимания

А.В. Прокофьев

Институт философии РАН,
Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1
 avprok2006@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — реконструировать историю представлений о моральных санкциях в последние два с лишним столетия. Методология исследования исходит из тезиса о единстве различных дисциплин, изучающих феномен морали. Для исследования конкретного эпизода из истории этого междисциплинарного комплекса был проведен анализ того, как заимствовались ключевые понятия и трансформировались ключевые идеи. Установлено, что первая традиция связывает моральные санкции с таким явлением, как общественное осуждение. Для некоторых ее представителей общественное осуждение и есть моральная санкция. Этот взгляд преобладал до середины XX в. Позднее появилось предположение, что санкция становится моральной только тогда, когда сам нарушитель болезненно воспринимает осуждение, поскольку признает правоту внешней оценки (испытывает стыд, вину, угрызения совести). Внешняя сторона санкции должна дополняться внутренней. Для первой традиции характерны попытки дифференцировать внешнюю сторону моральной санкции — выделить разные формы санкционирующего поведения (избегание, порицание, упреки, выговор, обличение, протест и т.д.) Вторая традиция, инициированная Дж.С. Миллем и Г. Сиджвиком, включает в число моральных санкций сами по себе болезненные эмоции самоосуждения, испытываемые нарушителем. Образцовыми моральными санкциями представители этой традиции считают внутренние: угрызения совести и вину. Особенности внешних и внутренних санкций были исследованы в антропологии первой половины XX в., там же произошло отождествление внутреннего характера санкций с их автономностью. Последний тезис был подхвачен многими представителями современной моральной философии.

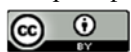
Ключевые слова: мораль, этика, моральные санкции, общественное осуждение, моральные эмоции, угрызения совести, вина, стыд

История статьи:

Статья поступила 03.02.2022

Статья принята к публикации 29.03.2022

© Прокофьев А.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Прокофьев А.В. Моральные санкции: две традиции понимания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 2. С. 454—469. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-2-454-469>

Moral Sanctions: Two Traditions of Understanding

Andrey V. Prokofyev

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation
 avprok2006@mail.ru

Abstract. The paper is aimed at providing general outlines of the more than two-century history of the theory of moral sanctions. It rests on a thesis about unity of all disciplines studying morality. The aim of the paper has been achieved through an analysis of how some basic concepts were borrowed and basic ideas were transformed. The first tradition links moral sanctions with public condemnation. Some of its adherents simply identified public condemnation with moral sanction. This opinion prevailed until the middle of the XXth century. Later it was suggested that a sanction becomes genuinely moral only when a transgressor herself is sensitive to condemnation because she recognizes that she deserves it and feels shame, guilt or remorse. It means that an external side of the sanction has to be complemented by an internal one. The first tradition presupposes a deep and thorough analysis of an external side of the moral sanction, i.e. various forms of sanctioning behavior (avoidance, censure, denunciation, reproach, scolding etc.) The second tradition was initiated by J.S. Mill and H. Sidgwick, it includes among moral sanctions the very negative emotions of self-appraisal. For adherents of this tradition, model and most important moral sanctions are internal: guilt and remorse. Characteristics of internal (autonomous) and external (heteronomous) sanctions were established in the XXth century anthropology. Later this distinction became current in the contemporary ethics.

Keywords: ethics, morality, moral sanctions, public condemnation, moral emotions, remorse, guilt, shame

Article history:

The article was submitted on 03.02.2022

The article was accepted on 29.03.2022

For citation: Prokofyev AV. Moral Sanctions: Two Traditions of Understanding. *RUDN Journal of Philosophy*. 2022;26(2): 454—469. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-2-454-469>

Введение

Понятие «санкция» в современных европейских языках имеет два значения. Оба они имплицитно присутствовали в том смысле, который имело латинское слово *sanctio* (пер с лат. «нерушимый закон, незабываемое узаконение, строжайшее постановление, закон с указанием кары за его нарушение»). В первом случае под санкцией подразумевается одобрение, подтверждение, легитимизация чего-то со стороны некой инстанции, обладающей правом

одобрять, подтверждать, легитимизировать, то есть имеющей для этого авторитет. То, что получает санкцию, признается этой инстанцией в качестве достойного существования или поддержки. Будучи санкционированным, оно существует по праву, законно, обоснованно. Одновременно санкция может означать ту или иную меру, которая поддерживает исполнение нормы. Санкция воздействует на тех, кто уклонился от нормы или поступил в соответствии с ней, и тем самым стимулирует соответствующее поведению. В определенном смысле можно сказать, что санкции во втором значении этого слова необходимы для сохранения того, что получило санкцию в первом значении. Предметом данного исследования будут санкции во втором значении, но исторически при их обсуждении постоянно было задействовано и первое, что требует постоянного учета.

Первым шагом к определению санкции могла бы быть такая формулировка: это негативное последствие, которое наступает для агента, нарушившего ту или иную норму, или позитивное последствие, которое наступает для агента, который эту норму исполнил. Однако такая формулировка неполна. Санкцией в собственном смысле этого слова можно назвать не любое последствие нарушения или соблюдения нормы, а лишь то, которое создается намеренно или, по крайней мере, возникает в какой-то сознательной практике и именно в связи с тем отношением к норме, которое проявил агент [1. Р. 230]. Этот аспект подчеркивают глаголы, связанные со словом «санкция»: применять, налагать и т.д.

Как правило, санкция воспринимается теоретиками как часть механизмов, обеспечивающих достижение тех целей, которым служит та или иная норма. Негативные санкции применяются для того, чтобы норма соблюдалась как самими агентами, которые попали под их действие и в силу этого отказываются от будущих нарушений, так и другими людьми, которые осведомлены о самой практике применения санкций и конкретных случаях их применения. Та же ситуация складывается в отношении позитивных санкций (вознаграждений). Благотворный эффект санкции может трактоваться в перспективе прямолинейной превенции или символического утверждения нормы в сообществе. Наряду с этим санкции выступают в качестве средства обеспечения соразмерного воздаяния. Если отставить в стороне теоретический дискурс, в котором доминирует вопрос о предназначении санкций в системах нормативной регуляции, и рассматривать исключительно психологию санкционирующего поведения, то превенция и воздаяние могут присутствовать в ней в разных соотношениях. В каких-то случаях превентивная составляющая сходит на нет.

Цель исследования

Цель данного исследования связана с вопросом о том, как варьируются санкции в зависимости от специфики разных форм регулирования поведения. Автор статьи проецирует этот общий вопрос на такое явление культуры

и индивидуального опыта, как мораль. Соответственно, он трансформируется в вопрос об особенностях именно моральных санкций. Однако целью данной статьи является не создание оригинальной и всесторонне обоснованной теории моральных санкций, а решение гораздо более скромной предварительной задачи. Статья посвящена изучению подходов к пониманию феномена моральных санкций, сформировавшихся в последнюю пару столетий.

Методы и результаты исследования

Исследование является историко-этическим, а история этики в силу специфики ее предмета тесно переплетена с историей других наук о морали (социологии, антропологии, психологии и т. д.) Поэтому центральной методологической установкой автора является анализ всего этого междисциплинарного комплекса в его направленности на изучение одной из важных составляющих морального опыта. Для создания проясненной картины попыток сформулировать, что такое моральные санкции, в статье анализируются способы употребления теоретиками ряда базовых терминов и применения ими некоторых целостных теоретических конструктов. Представления о природе моральных санкций рассматриваются в их включенности в процесс заимствования теоретиками друг у друга идей и понятий, а так же в процесс, в ходе которого концепции предшественников оспаривались, корректировались и обогащались преемниками. Автор статьи исходит из того, что конкретные концепции моральных санкций зависят во многом от того, как их создатели видят смысл морали как таковой. Это существенно расширяет теоретический горизонт работы. Основным результатом проведенного исследования является выявление двух традиций понимания моральных санкций и формирование целостного видения их истории.

Обсуждение

Первая традиция:

моральная санкция — осуждение нарушителя общественным мнением

Первая традиция представляет собой мейнстрим западной социологической и антропологической мысли. Его представители видят в моральных санкциях исключительно особый механизм взаимодействия между людьми. Один из первых образцов такого понимания моральных санкций можно обнаружить у Дж. Бентама в его «Введении в основания нравственности и законодательства». Дж. Бентам называет санкциями источники «соблюдения того или иного способа поведения» или «обязывающие вещи», выделяя четыре их разновидности: «физические», «политические», «нравственные (моральные)», «религиозные». Сочетание слов «обязывающие вещи» ближе к первому смыслу слова «санкция», но так как эти «вещи» обязывают через доставление людям удовольствия или причинение страданий, то и второй смысл тоже подразумевается, а временами выходит на первый план (отсюда

формулировка «наказание политической (или моральной) санкции»). Дж. Бентам не придерживается мысли о том, что действие санкций должно выражаться в реакции сознательного агента на нарушение нормы. Так, физическая санкция, производящая не наказания, а «бедствия», действует «по естественному ходу природы», без вмешательства человека или высших сил. Однако другие санкции предполагают сознательную деятельность [2. С. 38]. Политические и моральные санкции опираются на человеческую волю, но в отличие от политических, которые предполагают наличие назначенного верховной властью судьи, моральные «исходят или ожидаются от случайных лиц в обществе, к которым сторона, о которой идет речь, может иметь отношение в течение своей жизни, — по свободному расположению каждого человека, а не по каким-нибудь установленным или принятым с общего согласия правилам» [2. С. 36—37]. Многие более поздние теоретики стремились провести грань между моральными санкциями и любыми видами применения физической силы или лишения материальных благ. Но Дж. Бентаму чуждо такое стремление. «Наказание моральной санкции» вполне может иметь материальную составляющую. Его основной пример — отказ в помощи нуждающемуся в ней, но дурно ведущему себя человеку.

Хотя Дж. Бентам стоит у истоков этой традиции, мейнстримное понимание моральных санкций в социологии и антропологии конца XIX — первой половины XX вв. формировалось не на основе его классификации, а на основе трудов Э. Дюркгейма 1890-х гг. Все санкции имеют у Дюркгейма неприродный характер и применяются к нарушителям сознательно. В качестве основного признака нравственности Дюркгейм называет «репрессивную диффузную санкцию, т. е. осуждение общественным мнением всякого нарушения... предписания» [3. С. 64]. Конечно, отождествление репрессивных диффузных санкций с осуждением нарушителя общественным мнением неправомерно, поскольку такие санкции могут выражаться и в физическом воздействии. Однако можно предположить, что Э. Дюркгейма подталкивает к этому отождествлению следующая логика: сильные «общие чувства» требуют организованного и физического воздействия на нарушителя, мораль в «специальном» смысле этого слова, или «чисто моральные правила», опирается на слабые «общие чувства», значит, связанные с нею санкции должны быть диффузными и нефизическими (от простого порицания до публичного опозоривания) [4]. Вне зависимости от силы или слабости этой логики у Э. Дюркгейма возникают два тезиса, которые будут задавать в дальнейшем понимание моральных санкций внутри рассматриваемой традиции: моральная санкция есть а) диффузная репрессия, б) репрессия, находящая выражение не в силовом воздействии на нарушителя, а в его осуждении общественным мнением.

Эти два тезиса получили выражение в некоторых обобщающих трудах по социологии, правоведению и антропологии. Скажем, издатели фундаментального компендиума «Основания современной социологии» (1961) включили в него фрагменты из Э. Дюркгейма с характеристикой санкций,

свойственных «чистым моральным правилам», и фрагмент из М. Вебера, в котором разграничиваются санкции, характерные для областей «правового» и «конвенционального» (последняя область — главная опора этической системы общества) [5. Р. 209, 230—232, 442]. Правовед-позитивист Г. Кельзен видел специфику моральных санкций так: «Санкции морали как социального порядка состоят лишь в одобрении соответствующего норме поведения и в осуждении противоречащего ей поведения, а о применении физической силы здесь вообще нет речи» [6. С. 84]. Если вести речь об антропологии, то этот подход к пониманию моральных санкций хорошо отражает энциклопедическая статья А.Р. Рэдклиф-Брауна «Социальные санкции». Как и Э. Дюркгейм, он относит моральные санкции к числу негативных диффузных. Последние определяются им как спонтанное выражение неодобрения членами сообщества, действующими просто как отдельные индивиды, и включают в себя, наряду с моральными, сатирические и религиозные. Как и Э. Дюркгейм, А.Р. Рэдклиф-Браун специально не объясняет переход от простой диффузности к неодобрению, которое не сопровождается физическим воздействием на нарушителя. Негативные моральные санкции определяются им так: «реакция порицания (*reprobation*) обществом личности, поведение которой не одобряется» [7. С. 238].

В дальнейшем внутри традиции, отождествляющей моральные санкции с общественным осуждением, произошел существенный поворот, который не привел к тому, что она целиком и полностью изменилась, а выразился в появлении двух ее вариаций: исходной и преобразованной. Суть поворота хорошо отражает рассуждение философа права Г.Л.А. Харта об отличиях морали от даже самых примитивных форм права. «Моральное правило», «моральная обязанность» подкрепляются особой формой «давления со стороны общества», которое «сводится лишь к всеобщей неодобрительной или критической реакции, не подкрепленной физическими санкциями». Право присутствует там, где для давления общества возможны или типичны именно физические санкции (если они не организованы, то это будет «примитивная или рудиментарная форма права»). Казалось бы, это подход, который мы видели уже у Э. Дюркгейма и его наследников, и он всего лишь дополнен тезисом о существовании диффузных правовых санкций. Однако Г.Л.А. Харт вводит утверждение, которое в корне меняет дело: «моральное давление» не только «состоит в словесном осуждении или призыве уважать нарушаемое правило», но и «опирается на чувство стыда, раскаяния или вины» [8. С. 92]. Моральная санкция в этой оптике предполагает сочетание внутреннего и внешнего полюсов, причем внутренний полюс составляют особые переживания нарушителя. Г.Л.А. Харт не употребляет понятие «моральные санкции», обсуждая специфику «морального давления» в сравнении с правовым. Но это связано с его стремлением сузить область употребления слова «санкция» в целом (некоторые формы современного права для Г.Л.А. Харта тоже не связаны с применением санкций). А в свете нашего исходного понимания санкций хартовское «моральное давление» и есть моральные санкции.

Почему возникновение двухполюсного представления о моральной санкции можно считать трансформацией внутри первой теоретической традиции? Потому что оно возникает или оформляется в ходе критики ее первоначальных образцов, например, критики Э. Дюркгейма. Уже Т. Парсонс указывал на некорректное понимание Э. Дюркгеймом репрессивных санкций в целом, а именно на то, что нарушающий правила агент, на которого воздействует общество с помощью санкций, понимается им как пассивный реципиент этого воздействия [9. Р. 380]. О.Г. Дробницкий развил эту критику Э. Дюркгейма в сторону уточнения смысла морали и моральных санкций. Моральные санкции, по его мнению, противостоят «материально-действенным» и являются «идеальными» как в том смысле, что они не предполагают физического принуждения, так и в том смысле, что они имеют место лишь там, где нарушитель в конечном итоге поддерживает общественное осуждение. Это в области обычая само по себе осуждение есть санкция, а в области морали оно дополняется и опосредуется «судом над собой», который возможен лишь на основе *оценки нарушителем правоты общественной оценки* своих действий [10. С. 277—280]. Э. Дюркгейм, попавший в прицел критики Т. Парсонса и О. Г. Дробницкого, конечно, не является в этом смысле идеальной мишенью. В особенности, если взять его поздние работы, в которых и внутренние факторы исполнения моральной нормы являются важным предметом исследования, и присутствует тезис, что моральное действие это то, которое мы выполняем без внешнего давления [4]. Отсюда следует вывод, что теоретические ресурсы для обсуждаемого поворота имелись уже в исходной версии первой традиции.

Развитие этой традиции шло не только за счет создания двухполюсного понимания моральной санкции, но и за счет уточнения ее внешнего полюса. До сих пор под внешним полюсом моральной санкции имелось в виду осуждение со стороны другого человека. Однако осуждение в данном контексте является довольно неопределенным понятием, оно отсылает нас как к самой по себе оценке нарушения и возникающим в связи с ней переживаниям жертвы или внешнего наблюдателя, так и к коммуникативной стратегии, выстраиваемой ими в отношении нарушителя или по поводу нарушения. Соответственно, раскрыть содержание внешнего полюса моральной санкции — значит выявить значимые для нее модусы оценки, а также те формы ее деятельного выражения, которые остаются в пределах морального поля.

Р.Дж. Уоллес отграничил в этих целях «приватное осуждение» от «санкционирующего поведения», которое доносит осуждение до нарушителя и окружающих. «Приватное осуждение» нарушителя он не считает возможным рассматривать в качестве моральной санкции, хотя такие санкции можно дифференцировать именно по характеру осуждения и его эмоционального воплощения [11. Р. 56]. В центре внимания Р.Дж. Уоллеса находятся реактивные эмоции возмущения и негодования, но в действительности феноменология осуждения, конечно, богаче. Кроме того, теоретический образ моральной

санкции обогащает анализ Р.Дж. Уоллесом форм санкционирующего поведения, среди которых — избегание, порицание, упреки, выговор, обличение, протест и т.д. [11. Р. 54, 67]. Р.Г. Апресян, чье понимание моральных санкций в целом близко к концепциям О.Г. Дробницкого и Р. Дж. Уоллеса, полагает, что они имеют «не только идеальный... но и проективный характер». Тогда моральными санкциями следует считать не одни лишь ретроспективно осуждающие высказывания, но также «побуждающие, предостерегающие, предупреждающие» [12. С. 115].

Примечательно, что феноменология моральной оценки и анализ ее деятельных воплощений могут не только расширять, но и сужать или даже устранять пространство, маркируемое термином «моральные санкции». Именно это произошло в аналитической теории моральной ответственности. Исходной точкой стала позиция Г. Уотсона, которой развел между собой негативную оценку и порицание, связав моральные санкции с именно с порицанием. Негативная оценка сама по себе лишь регистрирует моральное качество личности нарушителя (это не санкция, а «аретическое суждение»), а санкция требует того, чтобы нарушитель был не просто осужден, но предстал перед судом окружающих, дал им отчет в своих действиях. Санкция нуждается в некоем «публичном пространстве», где может развернуться дополнительный по отношению к негативной оценке отклик на нарушение со стороны осведомленных о нем людей. Конечно, выдвигая негативное «аретическое суждение», мы имплицитно утверждаем, что нарушитель заслуживает того, чтобы негативное отношение к нему получило практическое выражение. Однако такое утверждение не тождественно реальному неблагоприятному обращению, которое, если речь идет о нефизических проявлениях неодобрения, и представляет собой моральную санкцию. При таком понимании моральные санкции — это «аретические суждения», вынесенные в пространство межличностной коммуникации и специальным образом доведенные до сведения их объекта [13. Р. 260—288].

Однако в обсуждении предложенных Г. Уотсоном разграничений возникло предположение, что не только негативное «аретическое суждение», но неблагоприятное обращение с тем, кто его заслужил, не является моральной санкцией. Именно такой тезис выдвинул Т. Скэнлон. Для него моральное осуждение, выходящее за пределы аретических оценок, представляет собой изменение восприятия нарушителя в связи с тем, что нарушение повредило добрые отношения с ним (а такие отношения в свете ценностной установки морали по умолчанию подразумеваются между всеми людьми). Измененное восприятие имеет разные практические следствия: от высказывания оценки до уклонения от общения. Но это не санкция, поскольку санкции ставят целью повлиять на поведение нарушителя, а у осуждения и его следствий нет такой цели. Тот, кто осуждает, всего лишь подобающим образом откликается на ситуацию, созданную нарушением, а нарушитель всего лишь сталкивается с этим откликом. В итоге, пространство для моральных санкций или

радикально сужается, или исчезает [14. Р. 123, 184—186]. Чего не могут признать критики Т. Скэнлона, считающие, что некоторые из откликов на нарушение (те, что отвечают не на простое повреждение, а на разрушение отношений с нарушителем) все же сохраняют статус санкций [15. Р. 620—624].

Этот спор, в отличие от спровоцировавшего его рассуждения Г. Уотсона о санкциях и «аретических суждениях», не столько обогащает первую традицию понимания моральных санкций, сколько заводит ее тупик. Ведь Т. Скэнлон, по сути, подменяет вопрос о предназначении санкций в системах нормативной регуляции вопросом об интенциях осуждающего нарушение человека. На первом уровне демонстративное осуждение в любом случае имеет превентивное значение. А на втором уровне этот факт может и не отражаться. Демонстрирующий свое осуждение человек может не ставить своей целью повлиять на поведение нарушителя, но его собственное поведение все равно включено в процесс наложения санкций. Соответственно, Т. Скэнлон доказывает несуществование моральных санкций в негодной теоретической рамке. А критики Т. Скэнлона эту рамку принимают.

Вторая традиция:

моральная санкция — болезненное переживание нарушителя

Вторая традиция понимания моральных санкций вырастает на основе реконструкции механизмов морального сознания в утилитаристской этике послебентамовского периода. Если в рамках первой традиции ключевыми были различия между организованным и диффузным применением санкций и между санкциями, опирающимися на применение силы и на иные средства общественного давления, то для второй традиции ту же роль играет различие между внешним и внутренним характером санкций. Начало этой традиции было положено Дж.С. Миллем в трактате «Утилитаризм». Задача трактата состоит в том, что бы обеспечить «прогресс в разрешении споров, связанных с поисками критериев морально правильного и неправильного поведения» [16. С. 25]. А разграничить эти виды поведения между собой можно лишь на основе выявления того, какое из них подвергается характерным для морали санкциям, а какое нет. «Идея карательных санкций, которая является сущностью закона, — пишет Дж.С. Милль, — имеет отношение... ко всему, что мы связываем с понятием неправильного поведения. Характеризуя поступок человека как неправильный в моральном отношении, мы тем самым подразумеваем, что тот должен быть наказан тем или иным способом: если не законом, то мнением его собратьев, или угрызениями собственной совести. Здесь, очевидно, и пролегает водораздел между моралью и простой выгодой» [16. С. 183]. Уже по одному этому пассажи видно, что для Дж.С. Милля угрызения совести агента являются самостоятельной «карательной санкцией», принадлежащей к сфере морали. Однако по нему невозможно оценить ее относительное значение.

Ответ на этот вопрос содержится в рассуждении Дж.С. Милля о высшей санкции утилитаристской нормативной программы. Ему предшествует

анализ феномена санкции как такового. Под рубрикой «санкция» Дж.С. Милль обсуждает мотивы исполнения «моральных стандартов» и источники их обязательной силы. То есть, подобно Дж. Бенхаму, он не проводит систематического различия между двумя смыслами слова «санкция». Но вновь, как и Дж. Бенхам, стремясь найти ответ на вопрос, чем санкционировано исполнение моральных требований, затрагивает и вопрос о том, какие санкции следуют за их исполнением или неисполнением. Дж.С. Милль подразделяет санкции на внешние и внутренние. Внешние санкции, охарактеризованные как мотивы соблюдения требования, включают, по Дж.С. Миллю, «надежду заслужить одобрение или, наоборот, боязнь навлечь на себя немилость со стороны наших ближних, или Создателя, да и саму нашу привязанность к ближним, благоговение и любовь к Нему» [16. С. 111]. Санкционпоследствия легко могут быть выявлены читателем: это сами по себе «одобрение» и «немилость». Внутренняя санкция (в единственном числе) охарактеризована Дж.С. Миллем сначала как последствие и лишь потом как мотив: «Это боль, которая терзает нас с большей или меньшей силой, когда мы нарушаем свой моральный долг, и может быть настолько нестерпимой в натурах, получивших подлинно нравственное воспитание, что для них такое нарушение становится практически невозможным» [16. С. 115]. Дж.С. Милль утверждает, что внутренняя санкция является «высшей». И это определение распространяется как на легитимизирующую функцию совести, так и на карательную функцию ее угрызений. Соответственно, мораль для Дж.С. Милля это пространство, в котором внутренние санкции являются центральными, хотя и не единственными.

Миллевскую тему внешних и внутренних санкций подхватывает Г. Сиджвик. При этом он подразделяет внешние санкции на два больших класса: правовые и социальные. Первые — это «наказания, налагаемые властью... суверена». Вторые — это «либо удовольствия, которые можно ожидать от одобрения и проявления доброй воли наших ближних, а также услуги, к оказанию которых ближние будут побуждаемы этой доброй волей и одобрением полезности [нашего] хорошего поведения, либо раздражение и потери, которых стоит опасаться из-за недоверия и неприязни ближних» [17. Р. 164]. Перечисление негативных социальных санкций включает у Г. Сиджвика «неприятное отношение, отказ от помощи и социальное исключение». Смысл социальных санкций состоит в том, чтобы «сделать аморальные поступки также и неблагоприятными» [17. Р. 166]. Но эта задача затруднена рядом обстоятельств: 1) существуют «тайные преступления», которые скрыты от ока ближних, 2) общества погружаются в состояния, когда люди обращают больше внимания на то, является ли нарушитель для них своим или чужим человеком (по самым разным критериям), чем на само нарушение, 3) общераспространенные убеждения, или «позитивная мораль», могут включать в себя требования, не удовлетворяющие «интуициям тех членов сообщества, которые имеют наиболее глубокую моральную

проницательность», 4) чувствительность к одобрению и неодобрению часто преодолевается выгодами нарушения требований, 5) стремление получить одобрение и связанные с ним выгоды «заставляет человека скорее казаться, чем быть полезным другим», или быть полезным только «богатым и влиятельным людям» [17. Р. 164—167].

Далее Г. Сиджвик обсуждает внутренние санкции, в качестве синонима используется слово «совестные». В первоначальном определении этих санкций доминирует позитивная сторона: «приятные переживания, сопровождающие добродетельное действие» и «отсутствие угрызений». Но даже само упоминание «угрызений» сразу указывает на существование стороны негативной [17. Р. 164]. На фоне недостатков внешних санкций, внутренние имеют существенные преимущества как в перспективе «разумной любви к себе», так и в перспективе «всеобщей благожелательности». Однако (и это существенная проблема для Г. Сиджвика) они недостаточно интенсивны у большинства людей для того, чтобы уверенно направлять их поведение к исполнению долга [17. Р. 171].

Влияние миллевского словоупотребления испытали на себе и другие авторы викторианской эпохи. Можно привести интересный пример. Г. Спенсер в «Научных основаниях этики» использует словосочетания «религиозные санкции», «политические санкции» и «социальные санкции». В каждом из этих случаев присутствует исключительно смысл санкционирования норм или практик, а не обеспечения негативных последствий нарушения нормы. Однако в связи с каждым механизмом санкционирования Г. Спенсер подразумевает и механизм принуждения. Он обозначается с помощью иных терминов, главный среди них — «ограничение». Отсюда, соответственно, три формы ограничения: божественное возмездие, правовое наказание и общественное осуждение. Обсуждает Г. Спенсер и «моральный контроль», а также связанное с ним «моральное самоограничение». Такое самоограничение, по Спенсеру, опирается не на страдание от угрызений совести, а непосредственно на страдание агента от страданий других людей (в этом ключевое отличие от Дж. С. Милля). В контексте «морального контроля» слово «санкция» не используется Г. Спенсером ни в первом, ни во втором значении [18. Р. 126—135].

Но, к примеру, Ф.У. Мейтланд, современник Г. Спенсера, анализируя его социологию, возвращает понятию «санкция» его всепроникающий характер. Спенсер предположил, что в идеальном обществе не будет ни обязанностей, ни ограничений. И для Ф.У. Мейтланда это означает, что не будет действовать ни одна из «четырех санкций морали», а именно, «религиозная», «правовая», «социальная» и «внутренняя». Под санкциями Ф.У. Мейтланд, как когда-то Дж. Бентам, имеет в виду источники соблюдения нормы, но дает такое их описание, в котором фигурируют и последствия нарушения. Однако, в отличие от Дж. Бентама, в этой схеме исчезает естественная санкция, место моральной занимает социальная, и добавляется внутренняя, которую

Ф.У. Мейтланд называет «специфически моральной» [19. Р. 359]. Последнее — явный след влияния Дж.С. Милля.

Примечательно, что тема внешнего и внутреннего в мире санкций присутствует и в социологическо-антропологической мысли первой половины XX в., хотя там это разграничение не становится основой для выявления специфики моральных санкций. К примеру, М. Мид довольно активно использовала понятия «внешние» и «внутренние санкции» для описания общественной жизни примитивных народов. В теоретическом прояснении этого разграничения фигурирует пример католика, под действием внутренних санкций соблюдающего все обряды на необитаемом острове, и американского бизнесмена, который пускается во все тяжкие во время далекой поездки в силу того, что перестают работать внешние санкции [20. Р. 493]. Образцом внутренней санкции для М. Мид служит вина, а одной из внешних санкций является стыд или, вернее, стыд есть такая внешняя санкция, которая способна в определенных условиях превращаться в относительно внутреннюю. Имеется в виду, что некоторые группы не выказывают реакции на нарушение, но это не исключает острого переживания стыда нарушителем и последующей демонстрации внешних проявлений стыда [20. Р. 494]. Характерно, что понятия внутренней и внешней санкции М. Мид применяла не в связи со спецификой субъекта их наложения или их источника, а исключительно в связи со спецификой их действия. К примеру, страх без явной угрозы наказания со стороны окружающих, страх потери статуса или любви других людей, она готова называть внутренней санкцией [20. Р. 494, 497-505].

Это понимание внутреннего и внешнего постепенно преодолевается. С. Пиддок, не самый известный социолог середины XX в., но зато автор вышедшей в 1968 г. специальной работы о социальных санкциях, ввел в свою классификацию санкций, наряду с «моральными» и «физическими», такую нишу как «самоналагаемые» [21. Р. 276]. Но, по сути, то понимание внешнего и внутреннего, которое позволяло М. Мид называть внутренними санкциями некоторые переживания, имеющие источником внешние, хотя и еще не оформившиеся угрозы, было отброшено уже соратницей М. Мид Р. Бенедикт. Р. Бенедикт называет «внешней санкцией» стыд, термин «внутренняя санкция» применяется ею в связи с виной [22. Р. 156-157]. Но граница внутреннего и внешнего совпадает при этом с границей гетерономных и автономных переживаний (автономные, то есть не требующие внешнего стимула в виде даже воображаемой реакции на нарушение со стороны другого человека). Понятие «моральные санкции» Р. Бенедикт использует для всех средств санкционного воздействия и не высказывается определенно в пользу большей моральной значимости вины или стыда [22. Р. 175]. Но если сопоставить контрастную картину двух механизмов регулирования поведения, созданную Р. Бенедикт, с идеей морали, которая вызревала в западной культуре тысячелетиями, то сложно уйти от вывода в духе миллевского утверждения о том, что внутренняя санкция моральных стандартов и внутренние санкции за их нарушение в моральной сфере являются наиболее органичными.

Отдаленным следствием миллевского словоупотребления, а также широкого использования в теории социальных санкций оппозиции «внешнее»/«внутреннее» является язык многих современных работ по этической теории. В них моральными санкциями именуется, в том числе, негативные эмоции самооценки, не являющиеся ответом на внешнее осуждение. Вот несколько примеров. Для А. Гиббарда моральные санкции — это «санкции совести и санкции общественного мнения, то есть санкции вины и раскаяния и санкции осуждения, негодования, морального гнева в отношении другого человека» [23. Р. 41—42]. Р. Крисп ведет речь о том, что санкциями в морали являются «моральные эмоции вины, стыда и осуждения» [24. Р. 9, 21]. П. Гринспэн не просто называет вину и стыд «внутренними санкциями морального кодекса», но и считает вину предпочтительной санкцией [25. Р. 109].

У такого подхода к пониманию моральных санкций есть существенное затруднение, которое удачно артикулировал К. Уэлмэн. Для него миллевское стремление представить угрызения совести нарушителя в виде моральной санкции наталкивается на тот простой факт, что угрызения совести — это совсем не наказание, намеренно наложенное на того, кто совершил неправильный в моральном отношении поступок. И вина, и стыд, и угрызения совести скорее случаются во внутреннем мире агента, чем вызываются им намеренно [26. Р. 42]. Однако те сторонники второй традиции, которые признают эту трудность, все же не считают ее фатальной. Так, Р.Дж. Уоллес, для которого основной предмет исследования — санкция как внешнее осуждение, анализирует так называемые «рефлексивные случаи», в которых агент сам признает себя ответственным и в связи с этим у него появляются негативные реактивные эмоции (прежде всего вина). В таких случаях, как полагает Р.Дж. Уоллес, различие между переживанием и его выражением в виде санкционирующего поведения не исчезает. Причем какие-то формы налагающего санкции поведения (вернее было говорить о налагающей санкции деятельности) в «рефлексивных случаях» являются сугубо внутренним феноменом. Это обращение к себе упреков. А другие выходят за пределы сознания нарушителя, поэтому их нельзя называть внутренними, но главное, что они автономны. Это покаяние, исповедь и добровольная компенсация причиненного вреда [11. Р. 54, 57].

Заключение

Итак, на основе анализа ряда социологических, правоведческих, антропологических и философских источников было установлено, что к настоящему моменту сложилось две традиции понимания моральных санкций, имеющих собственные внутренние проблемы и противоречия. Первая традиция подчеркивает тот факт, что негативная моральная санкция имеет внешний по отношению к нарушителю характер или хотя бы источник. Она задана теми или иными экспрессивными действиями жертвы нарушения моральной нормы или осведомленных о нарушении третьих лиц. Экспрессивные действия, в

свою очередь, вызваны к жизни особого рода реактивными эмоциями. Для некоторых сторонников этой традиции моральная санкция и состоит в самих по себе экспрессивных действиях, не преходящих грань физического воздействия на нарушителя, то есть тождественна общественному осуждению. Для других — моральная санкция имеет место только там, где к внешнему давлению на нарушителя присоединяются признание им правоты осуждающих его людей и негативные эмоции, вызванные собственной неправотой. Вторая традиция рассматривает в качестве моральных санкций преимущественно (но не исключительно) некоторые психические феномены в сознании самого нарушителя. Это различные формы его самоосуждения, которые могут возникать и без реакции на нарушение со стороны других людей. Моральные санкции (или их часть) отождествляются в этом случае с эмоциями самоосуждения (виной, раскаянием, стыдом и т.д.)

Реконструкция этих традиций ставит уже не исторический, а теоретический вопрос о правоте какой-то из них. Его решение требует дополнительных исследовательских усилий. Однако необходимо иметь в виду, что в полемике о моральных санкциях представлены не только позиции, соответствующие двум традициям их понимания. На обоснованность претендуют еще две позиции. Первая рассматривает мораль как такую форму ориентирования поведения, которая вообще не опирается на санкции. Вторая видит в попытках выделить специфические моральные санкции бесперспективный теоретический проект, поскольку мораль поддерживается разными санкциями и никакие из них не заслуживают больше других того, чтобы называться моральными.

Список литературы

- [1] *Hieronymi P.* Fairness, sanction, and condemnation // *Oxford Studies in Agency and Responsibility*. Vol. 8. Oxford : Oxford University Press, 2021. P. 229—258.
- [2] *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М. : РОССПЭН, 1998.
- [3] *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М. : Канон, 1995.
- [4] *Прокофьев А.В.* Проблема моральных санкций в трудах Эмиля Дюркгейма // *Журнал СФУ. Гуманитарные науки*. 2022. Т. 15. № 11. (в печати)
- [5] *Theories of society: Foundations of modern sociological Theory*. Vol. 1. N.Y. : Free Press, 1961.
- [6] *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. СПб. : Алет-Пресс, 2015.
- [7] *Рэдклифф-Браун А.Р.* Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М. : Восточная литература, 2001.
- [8] *Харт Г.Л.А.* Понятие права. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.
- [9] *Parsons T.* The Structure of social action. N.Y. : Free Press, 1966.
- [10] *Дробницкий О.Г.* Понятие морали. Историко-критический очерк. М. : Наука, 1974.
- [11] *Wallace R.J.* Responsibility and the moral sentiments. Cambridge : Harvard University Press, 1994.
- [12] *Анресян Р.Г.* Этика: учебник. М. : КНОРУС, 2017.
- [13] *Watson G.* Agency and aswerability: Selected essays. Oxford : Clarendon Press, 2004.

- [14] Scanlon T. *Moral dimensions: Permissibility, meaning, blame*. Cambridge : Belknap Press, 2008.
- [15] Shoemaker D. *Attributability, answerability, and accountability: Toward a wider theory of moral responsibility* // *Ethics*. 2011. Vol. 121. № 3. P. 602—632.
- [16] Милль Дж.С. *Утилитаризм*. Ростов-на-Дону : Донской издательский дом, 2013.
- [17] Sidgwick H. *The methods of ethics*. London : Palgrave Macmillan, 1962.
- [18] Спенсер Г. *Научные основания нравственности. Данные науки о нравственности*. М. : ЛКИ, 2008.
- [19] Maitland F.W. *Mr. Herbert Spencer's theory of society* // *Mind*. 1883. Vol. 8. № 31. P. 354—371.
- [20] Mead M. *Cooperation and competition among primitive peoples*. New York : McGraw-Hill Book Company, 1937.
- [21] Piddocke S. *Social sanctions* // *Anthropologica*. 1968. Vol. 10. № 2. P. 261—285.
- [22] Бенедикт П. *Хризантема и меч: Модели японской культуры*. М. : РОССПЭН, 2004.
- [23] Gibbard A. *Wise choices, apt feelings: A theory of normative judgment*. New York : Harvard University Press, 1990.
- [24] Crisp R. *Reasons and the Good*. New York : Oxford University Press, 2006.
- [25] Greenspan P. *Practical guilt: Moral dilemmas, emotions, and social norms*. Oxford : Oxford University Press, 1995.
- [26] Wellman C. *Real rights*. New York : Oxford University Press, 1995.

References

- [1] Hieronymi P. *Fairness, sanction, and condemnation*. In: *Oxford studies in agency and responsibility*. Vol. 8. Oxford: Oxford University Press; 2021. P. 229—258.
- [2] Bentham I. *Introduction to the principles of morals and legislation*. Moscow: ROSSPEN publ.; 1998. (In Russ).
- [3] Durkheim E. *Sociology: Its subject, method, and purpose*. Moscow: Kanon; 1995.
- [4] Prokofyev AV. *The Problem of Moral Sanctions in the Works of Emile Dukrheim*. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2022;15(11). [Pre-Print]. (In Russian).
- [5] Parsons T, Shils E, Naegele K, Pitts J, editors. *Theories of society: Foundations of modern sociological theory*. Vol. 1. New York: Free Press; 1961.
- [6] Kelsen H. *Pure theory of law*. Saint-Petersburg: Alef-Press; 2015. (In Russian).
- [7] Radcliffe-Brown AR. *Structure and function in primitive society: Essays and addresses*. Moscow: Vostochnaya literatura publ.; 2001. (In Russian).
- [8] Hart HLA. *The concept of law*. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta publ.; 2007. (In Russian).
- [9] Parsons T. *The structure of social action*. New York: Free Press; 1966.
- [10] Drobnitskii OG. *The concept of morality: Historical-critical essay*. Moscow: Nauka publ.; 1974. (In Russian).
- [11] Wallace RJ. *Responsibility and the moral sentiments*. Cambridge: Harvard University Press; 1994.
- [12] Apressyan RG. *Ethics: Textbook*. Moscow: KNORUS publ.; 2017. (In Russian).
- [13] Watson G. *Agency and answerability: Selected essays*. Oxford: Clarendon Press; 2004.
- [14] Scanlon T. *Moral dimensions: permissibility, meaning, blame*. Cambridge: Belknap Press; 2008.
- [15] Shoemaker D. *Attributability, answerability, and accountability: Toward a wider theory of moral responsibility*. *Ethics*. 2011;121(3):602—632.

- [16] Mill JS. *Utilitarianism*. Rostov-na-Donu: Donskoi izdatel'skii dom publ.; 2013. (In Russian).
- [17] Sidgwick H. *The methods of ethics*. London: Palgrave Macmillan; 1962.
- [18] Spencer H. *The principles of ethics. The data of ethics*. Moscow: LKI; 2008. (In Russian).
- [19] Maitland FW. Mr. Herbert Spencer's theory of society. *Mind*. 1883;8(31):354—371.
- [20] Mead M. *Cooperation and competition among primitive peoples*. New York: McGraw-Hill Book Company; 1937.
- [21] Piddocke, S. Social sanctions. *Anthropologica*. 1968;10(2):261—285.
- [22] Benedict R. *The Chrysanthemum and the sword: Patterns of Japanese culture*. Moscow: ROSSPEN publ.; 2004. (In Russian).
- [23] Gibbard A. *Wise choices, apt feelings: A theory of normative judgment*. New York: Harvard University Press; 1990.
- [24] Crisp R. *Reasons and the good*. New York: Oxford University Press; 2006.
- [25] Greenspan P. *Practical guilt: moral dilemmas, emotions, and social norms*. Oxford: Oxford University Press; 1995.
- [26] Wellman C. *Real Rights*. New York: Oxford University Press; 1995.

Сведения об авторе:

Прокофьев Андрей Вячеславович — доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора этики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия (e-mail: avprok2006@mail.ru). ORCID: 0000-0001-5015-8226

About the author:

Prokofyev Andrey V. — D.Sc. in Philosophy, associate professor, leading researcher, Department of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (e-mail: avprok2006@mail.ru). ORCID: 0000-0001-5015-8226